

**К 95-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я.А. ПОНОМАРЕВА**

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ Я.А. ПОНОМАРЕВА¹

© 2015 г. И. О. Александров*, Н. Е. Максимова**

** Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, профессор ФГБУ ВПО ГАУГН, Москва;
e-mail: almax2000@inbox.ru*

*** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, там же;
e-mail: nemaksimova_SEP@mail.ru*

Определяется вклад Я.А. Пономарева в разработку эволюционной эпистемологии, что составляет общенаучное обоснование для преобразования предметной области психологии. Выделены основания дифференциации важнейших направлений эволюционной эпистемологии (К. Поппера, К. Лоренца, Ж. Пиаже), к которым отнесены принадлежность к определенной эволюционной теории, реализация индуктивного или гипотетико-дедуктивного общенаучного метода, а также способ объяснения создания нового знания. Эти же критерии использованы для содержательной характеристики эволюционной эпистемологии Я.А. Пономарева. Приведены доказательства того, что Я.А. Пономаревым была разработана оригинальная версия эволюционной эпистемологии, в которой методология и эмпирическое исследование впервые составили единый цикл создания и объяснения нового знания. Отмечена особая роль психологов в становлении эволюционной эпистемологии. Обсуждается роль эволюционной эпистемологии в дифференциации психологии как самостоятельной дисциплины и философской теории познания, а также возможные следствия этого процесса.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, синтетическая теория эволюции, эпигенетическая теория эволюции, ламаркистский эволюционизм, эмерджентизм, индуктивный метод, гипотетико-дедуктивный метод, психология как самостоятельная дисциплина, философская теория познания, дифференциация.

На всем протяжении существования психологической науки центральной проблемой, независимо от интенсивности ее обсуждения, продолжает оставаться проблема формирования и организации предметной области психологии, дисциплинарного “проблемного поля”, которое с необходимостью включает определение предмета и метода психологического исследования, формулировку и обоснование решений основных фундаментальных проблем, их общепсихологическое значение, правила планирования и организации исследования, соотношение фундаментального и прикладного знания, принципы построения на их основе технологий практического применения психологического знания.

Острота этой методологической проблемы объясняется тем, что из ее конкретного решения могут следовать различные варианты существования

психологии: или как конгломерата изолированных областей исследований, или как набора практически полезных рецептов и технологий, или как единой научной дисциплины, исследования которой направлены либо на описание уникального предмета исследования, либо на объяснение специфического дисциплинарного предмета исследования на основе закономерностей, соответствующих общенаучным принципам [6, 16, 17, 23, 30, 31, 50, 52].

Возможное решение этой актуальной психологической проблемы было обосновано Яковом Александровичем Пономаревым [40–44]. Пономарев ввел основания для радикального и всеобъемлющего преобразования предметной области психологии, для построения перспективной схемы психологических наук и их взаимоотношений со смежными науками. Центральное место в этом преобразовании занимает абстрактно-аналитическая психология как фундаментально теоретическая дисциплина, построенная не на основе

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00229), ФГБУН Институт психологии РАН.

индуктивного обобщения частных фактов, практических находок, *ad hoc* гипотез и результатов исследований, специфичных для определенных отраслей психологии, а на базисе общепсихологической теории – концептуально согласованных и имеющих единое методологическое обоснование конкурирующих положений, проверяемых через селекцию в эмпирическом исследовании. Для того чтобы эта позиция могла быть непротиворечиво реализована, чтобы исключить произвольность оснований и разрыв эмпирики и теоретических построений, Пономарев разработал специальную методологию создания нового знания, способную выполнять прескриптивную функцию, обоснованную в исследованиях, “методологию, саму из себя представляющую эксперимент” [43, с. 159], экспериментальную методологию [43, 44], подчеркивающую особую роль эмпирических исследований в оценке концептуальных положений [3].

Преобразования предметной области психологии, предложенные Пономаревым, как можно судить по целям и результатам его работ, включены в научный контекст, выходящий за рамки проблем психологической науки. Пономарев построил периодизацию развития психологического знания, соотнес ее с фило- и онтогенетическими закономерностями не только индивидуального, но и научного познания, включая социологические аспекты познания [42, 43]. Следует заметить, что и общенаучное, и психологическое содержание концепции Пономарева соответствует проблематике эволюционной эпистемологии (ЭЭ) – направлению теории познания, которое начало складываться в 30-е годы XX века и приобрело наименование в начале 1970-х годов [20, 25, 34, 35, 51]. Важно отметить, что основное содержание методологических построений Пономарева сложилось до того, как ЭЭ конституировалась в качестве специфической области исследований.

Уже на самых ранних стадиях формирования ЭЭ ее цели оказались столь разнообразны, что различные варианты разработки ее проблематики дифференцировались в разные, содержательно своеобразные направления [34, 35, 51, 62, 72].

Цель настоящей работы состояла в том, чтобы определить вклад Я.А. Пономарева в разработку ЭЭ, который может составить методологическое обоснование для преобразования предметной области психологии.

Для этого следует (1) определить основания дифференциации ЭЭ и содержательную специфику направлений; (2) использовать эти основа-

ния для оценки базовых составляющих ЭЭ Пономарева; (3) очертить общенаучные следствия ЭЭ Пономарева.

ОСНОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НАПРАВЛЕНИЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Эволюционная эпистемология складывалась в период, когда идеи теории эволюции были приняты в качестве метатеоретических положений в различных дисциплинах. Наддисциплинарный статус эволюционизма сложился уже в рамках теории эволюции Ч. Дарвина. Такая возможность вытекала из множественности источников обоснования эволюционной теории: новой геологии Ч. Лайела, демографических идей Т. Мальтуса, антропологических, медицинских наблюдений нарушений иммунитета (см. “Исторический набросок развития воззрений на происхождение видов...” [13, с. 12–20]). Небиологические дисциплины стали обращаться к эволюционизму сразу после публикации “Происхождения видов”. Так, немецкий лингвист А. Шлейхер уже в 1863 г. опубликовал работу “Теория Дарвина и наука о языке”. В это же время отмечено принятие эволюционных представлений психологами [15].

Именно в рамках дарвинизма стала складываться фундаментальная концепция, имеющая общенаучное значение, – универсальный эволюционизм [36]. Его установки обнаруживаются в стремлении построить новый тип рациональности на основе идей системного и эволюционного подходов при переходе к постнеклассической стадии развития науки [26, 53, 54] (см. также Н.В. Тимофеев-Ресовский, цит. по: [32, с. 65, 66]).

Универсальный эволюционизм может рассматриваться также как метапарадигма, общая для естественных и гуманитарных наук [11], что важно в контексте настоящей работы. Так, Н. Луман описывал эволюцию общества в терминах систем [29]. Универсальный эволюционизм – интенсивно развивающаяся общенаучная методология, которая с необходимостью включает конкурирующие точки зрения [4, 11, 18, 57]. Эта методология выполняет две функции: (1) позволяет дать единое, общее для различных дисциплин (как естественно-научных, так и гуманитарных) онтологическое основание для объяснения единства мира, процессов его развития, разнообразия и сходства процессов и объектов, а также (2) служит обоснованием представлений о процессах познания,

методологии создания нового знания в эмпирических исследованиях. Эти две стороны универсального эволюционизма некоторым образом соотносятся с *онтологией* и *гносеологией* как разделами философии, но радикально отличаются от них по происхождению, основаниям, операционализированности понятий и роли в организации конкретно-научных эмпирических исследований [53].

Применение теории эволюции, которая разрабатывалась и разрабатывается как общая основа биологии, для решения небιологических проблем требует специального методологического обоснования. Оно состоит в отборе фундаментальных положений эволюционной теории, необходимых для объяснения небιологических форм эволюции, а также дополнении этого набора положениями, специфическими для этих форм эволюции (см. [11]).

ЭЭ как неотъемлемая составляющая универсального эволюционизма сыграла важнейшую роль в придании эволюционизму универсального общенаучного значения. Название “эволюционная эпистемология” указывает на развитие эволюционистского варианта решения проблем теории познания. Тем не менее актуальный спектр проблем, охваченных ЭЭ, не только шире области собственно теории познания, но и предлагает решение как общенаучных, так и частных дисциплинарных методологических проблем. Важно, что с самого начала формирования ЭЭ (вполне в духе постклассического и постнеклассического научного знания) была ориентирована на создание не прескриптивной, нормативной, а дескриптивной методологии (см., например, [8]). Однако в современном научном сообществе признается также и прескриптивное значение многих положений ЭЭ, особенно связанных с доктриной фальсификационизма, которая пронизывает систему правил организации исследований вплоть до рекомендаций (запретов), адресованных непосредственно экспериментатору (например, указание недопустимости “предубеждения подтверждения” (*confirmation bias*)) [61]).

Термин “эволюционная эпистемология” был введен Д. Кэмпбеллом (специалистом в методологии науки и экспериментальной психологии) в 1974 г. для обозначения области исследований, направленных на выявление эволюционных основ познания (см. русский перевод [24]). Кэмпбелл указал на К. Поппера как основоположника ЭЭ. Анализируя общенаучный контекст проблематики и подходов ЭЭ, Кэмпбелл отмечает общность взглядов Поппера и других исследователей, специально выделяя К. Лоренца, который

изучал эволюционное становление структурно-морфологических и когнитивных основ познавательных процессов. Основной вывод Кэмпбелла состоит в том, что эволюционным эпистемологом является не только тот, кто опирается на концепцию естественного отбора, но и тот, кто принадлежит к “спенсеровско-ламаркистской школе эволюционных эпистемологов и сторонникам широко распространенной эволюционной интерпретации кантовских категорий” [24, с. 134, 136]. Критерий принадлежности к ЭЭ, предложенный Кэмпбеллом, – использование для решения эпистемологических проблем “биологических теорий эволюции” без каких-либо концептуальных ограничений [24, с. 134].

По-видимому, Кэмпбелл рассматривал эволюционизм как единую гомогенную систему взглядов, традиционно обозначаемую как “дарвинизм”. Однако обозначение эволюционизма как “дарвинизма” скрывает выраженный мультипарадигмальный характер этой системы взглядов. За 150 лет развития эволюционного учения оригинальная дарвиновская версия прошла множество дифференциаций, в которых сложились принципиально различные, даже несовместимые варианты взглядов на эволюцию. В настоящее время сосуществуют селективистская ветвь эволюционизма (“синтетическая теория эволюции”), эпигенетическая, ортогенетическая, номогенетическая ветви [4, 7, 22] и др. Различные варианты эволюционных представлений образуют многообразие универсального эволюционизма, фиксируют достижения, соответствующие различным типам рациональности научного знания: от классической до постнеклассической, и определяют “методологическую неоднородность” научного сообщества.

Можно указать по крайней мере три версии ЭЭ, удовлетворяющих критерию, введенному Кэмпбеллом: это упомянутые варианты, построенные Поппером и Лоренцем, а также “генетическая эпистемология” Ж. Пиаже [39]. Концепции этих исследователей заслуживают специального рассмотрения еще и потому, что в их оформлении и дифференциации проявилась необходимость принципиально нового междисциплинарного дискурса в рамках эпистемологии, который не утрачивает своей актуальности до настоящего времени (см. [25]). Для того чтобы охарактеризовать особенности каждой из этих версий ЭЭ, кроме отнесенности к какой-либо из эволюционных теорий, следует определить их методологическую ориентацию: на индуктивный или гипотетико-дедуктивный метод, а также соответствующий им

вариант ответа на один из ключевых вопросов для эпистемологии и построения исследования – о способе создания нового знания.

Концепция К. Поппера. Анализ ранних этапов научной биографии Поппера, проведенный М. тер Харком [72], предоставляет весьма правдоподобное объяснение формированию и содержанию его радикальной методологической позиции. Во второй половине 20-х годов XX в. Поппер получал психологическое образование в среде психологов Вюрцбургской школы. В 1928 г. под руководством К. Бюлера он защитил диссертацию “*Zur Methodenfrage der Denkpsychologie*” (“К проблеме метода в психологии мышления”). Именно в этом исследовательском парадигмальном сообществе он принял идею “активного дарвинизма” – версию эволюционного учения, основанную на представлении о мутагенезе и селектогенезе. Там же он ознакомился с бюлеровской критикой Юма, что можно связать с последующей разработкой Поппером “проблемы индукции”, ключевой для его версии ЭЭ. Тер Харк отмечает, что решающим фактором становления позиции Поппера было влияние на него со стороны Отто Зельца, радикально отклонившегося от исследовательской программы и методологии Вюрцбургской школы. Именно Зельц обозначил перспективы развития неиндуктивистской психологии познания, а в 1922 г. эксплицитно высказал то, “что позже, главным образом, благодаря Попперу, будет названо гипотетико-дедуктивным подходом к научному объяснению” [72, с. 113]. В рамках отвержения индуктивизма Поппер пришел к замене логического обеспечения метода: замене силлогизма *modus ponens* на *modus tollens*. Это был важнейший шаг, позволяющий выйти за пределы общепринятой с XVII в. доктрины подтверждения и встать на позиции эволюционистской селективистской методологии опровержения, дедуктивной теории “догматических проб и элиминации критических ошибок” (*dogmatic trial and critical-error elimination*) [72, с. 14]. Разработанное в рамках бихевиоризма представление о пробах и ошибках в эти годы стало общеупотребительным в психологии и в общем языке науки, но предложенное Поппером преобразование понятия было принципиально неприемлемым для тех, кто опирался не на селективистскую, а на индуктивистскую версию эволюционизма (как, например, бихевиористы).

Если судить по мемуарам Поппера, рефлексия содержания сделанного им выбора состоялась только в 1960-е годы, но основания этого решения были заложены в начале 30-х годов [48]. Эти

основы состояли в противопоставлении (1) селекционизма Дарвина – ламаркизму Спенсера, (2) дедуктивизма – индуктивизму, (3) критического устранения ошибок – подтверждению [45, 47].

Идеи фальсификационизма и критерия демаркации научного и вненаучного знания, несомненно, являются главными отличительными чертами доктрины Поппера. Однако содержательным центром этой версии ЭЭ служила селекционистская основа дарвиновской концепции эволюции [45, 47]. Напомним, что в период формирования ЭЭ, особенно в философском и общенаучном контексте, теорию эволюции диффузно обозначали как “дарвинизм”, смешивая последователей селекционизма Дарвина (“неодарвинизм”, “селектогенез”) с неселекционистскими версиями эволюционизма – особой формой дарвинизма Э. Геккеля (“ламаркодарианизм” и его специфической версией – “психоламаркизм”, см. [7, с. 125]), а также с ортогенезом, эпигенезом, номогенезом и др. [4]. В 1937–1950-х годах была сформулирована синтетическая (селекционистская) теория эволюции (см. [7, 22]). Именно в свете селекционистской версии теории эволюции могут быть согласованы основные компоненты эпистемологии, построенной Поппером: логика отбора суждений через опровержение (фальсификационизм) и критерий демаркации научного и метафизического знания, проведенная им радикальная замена индуктивного метода и его логического обеспечения через *modus ponens* на гипотетико-дедуктивный метод с опорой на *modus tollens*, имплицитное требование формулировать гипотезы как множества логически несовместимых, альтернативных суждений, а не как сингулярные предположения, отказ от симметричной логики истинного/ложного в пользу асимметричного отвержения ложных высказываний (асимметрии вывода). Эта конструкция эпистемологии не включает в себя эволюционное обоснование как равноправное другим положениям концепции, ЭЭ Поппера и главные ее составляющие логически выводимы из эволюционной теории селекционизма. Поэтому на основе, заложенной Поппером, может быть построена фундаментально эволюционная эпистемология, в которой будут устранены реликты индуктивизма. К таковым можно отнести, например, трудности согласования дискретных логических процедур опровержения гипотез с вероятностной техникой оценки достоверности вывода, допустимость “квазииндукции”, эклектичное совмещение селекционизма и эмерджентной эволюции [45]. Тер Харк отмечает неслучайность совпадения отношения к эмерджентистской теории эволюции у

Поппера и Г.С. Дженнингса, индуктивиста ² [63, 72].

Хотя положения ЭЭ Поппера имеют прескриптивный характер, они даны в логико-философской форме. Для применения в эмпирическом исследовании они должны быть преобразованы в точные определения и предписания для планирования и организации исследовательских процедур конкретного эмпирического исследования в соответствии с методологическим содержанием гипотетико-дедуктивного метода.

Для объяснения создания нового знания Поппер привлекает концепцию эмерджентной эволюции [45, 60]. Эта концепция была сформулирована последовательным позитивистом Дж. Льюисом в публикациях 1874–1879 гг. как оппонентная по отношению к дарвиновской теории эволюции [65] и прошла длительное и интенсивное развитие в XX веке [71]. Неизменное смысловое ядро этого конструкта содержит в недифференцированной форме объяснения как появления нового, так и несводимости новообразований (“эмерджентов”) к элементам низшего уровня. Заметим, что в отношении объяснения развития эмерджентизм как “внезапное появление нового” – уровневая теория, избегающая использования отношений, порождающих многообразия и их селекции, принципиально совместимая с финализмом и креационизмом. В отношении проблемы несводимости целого к его компонентам концепция эмерджентизма может рассматриваться как недифференцированная форма объяснения, сосуществующая с принципом системности. Важно заметить, что Поппер использовал эмерджентизм как для обоснования оригинальной концепции “трех миров” – эмерджентно возникающих новых уровней развития [60], так и для объяснения

целостности без обращения к представлениям о системности.

Концепция К. Лоренца. Построивший принципиально иную версию ЭЭ Лоренц был не только другом Поппера с детства, но и получал психологическое образование тоже у К. Бюлера. Сам Лоренц связывал достигнутый им уровень квалификации как психолога с влиянием Бюлера [27, 66]. В согласии с точной характеристикой, данной Кэмпбеллом, Лоренц развивал эволюционную биологическую теорию познания [28], однако основанная им новая дисциплина – этология – тесно связана с проблематикой психологии (см. [10]). В построении своей версии ЭЭ Лоренц опирается преимущественно на дарвинизм с элементами спенсеровско-ламаркистской версии эволюционизма [72], допускающей инструктивизм (см. [2, 59]). Так, Лоренц, сторонник инструктивизма, как и бихевиористы, применяет концепт “пробы и ошибки” скорее метафорически, поскольку в последовательности стимулов и реакций пробы и ошибки образуют именно последовательность, но не актуальную ситуацию селекции одновременно существующих несовместимых вариантов поведения, некоторые из которых ошибочны. Поэтому к идеям Поппера о фальсифицируемости знания Лоренц относится с иронией [27, с. 424]. Лоренц замечает, что в его взглядах на отношение феноменального и реального он исходил из индукции [27, с. 250]. По оценке тер Харка, в отношении к индуктивизму Лоренц гораздо ближе к яркому стороннику индуктивизма Дженкинсу (см. сноску ²), чем к психологам Вюрцбургской школы [72, с. 155].

В 1970-х годах сформировалась дочерняя по отношению к ЭЭ Лоренца теория аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы [33, 67, 68]. Авторы используют понятие эволюции весьма свободно, так что установить их отношение к определенной эволюционной теории затруднительно. Представляется, что в их взглядах место эволюционных процессов замещено концепцией аутопоэзиса – особой формы адаптивного самовоспроизводства живых систем. Можно заметить, что преемственность теории аутопоэзиса и ЭЭ Лоренца проявляется в признании фундаментального значения индукции в организации живых систем и процессов познания: “*A living system, due to its circular organization, is an inductive system*” [67, с. 26] или “*Inductive inference as a structural property of the living organization and of the thinking process, is independent of history...*” [67, с. 50]³.

² Дженнингс так оценивает связь эмерджентной формы эволюционизма с центральными лозунгами индуктивизма: “*The man of science must accept as the final word John Hunter's maxim: Don't think, try! Thinking is an instrument, a very fallible instrument, for helping to decide what to try, but the last word must be try*” и далее – “*Radical experimentalism leads to emergent evolutionism, as emergent evolutionism leads to radical experimentalism; they are indeed obverse views of one doctrine*” [63, с. 21]. «Ученый <радикальный эксперименталист> должен принять как последнюю истину максимум Джона Хантера: “Нечего думать, трясти надо! Мышление – всего лишь инструмент, очень ненадежный инструмент, который помогает решить, что именно следует трясти, но главным словом должно быть *трясти*»», “Радикальный экспериментализм ведет к эмерджентному эволюционизму, как и эмерджентный эволюционизм ведет к радикальному экспериментализму, безусловно, это две стороны одной и той же доктрины” (перевод авторов). Пояснение: “экспериментализм” – форма позитивистской доктрины.

³ «Поскольку любая живая система обладает свойством циркулярности (“самореферентности”, см. [67, с. 17–18]), она является индуктивной системой», “Индуктивный вывод как структурное свойство живой организации и процесса мышления независим от истории...” (перевод авторов).

Селективистскую методологию невозможно логически примирить с индуктивистским мировоззрением, и доказательством этого является научная биография Поппера [48, 72]. Действительно, фундаментальным положением индуктивизма в наибольшей степени соответствуют ламаркистские модели эволюции, ортогенетические эволюционные представления, не предусматривающие ветвления траекторий развития, финалистские модели эволюции, фокусирующие разнообразие траекторий, ведущих в единую “точку Ω ” [7, 37, 55]. Логика индуктивного метода специально создавалась для гарантированного получения истинного знания, а ни в коем случае не “правдоподобных суждений” [14, с. 80]. Нечувствительность Кэмпбелла к столь радикальному различию между эпистемологическими позициями Лоренца и Поппера и согласие Поппера с такой оценкой [46] можно объяснить тем, что в его концепции содержатся отчетливые реликты индуктивизма (см. [45]).

В объяснении формирования нового, прежде не существовавшего, и в том числе – нового знания, Лоренц придерживается индуктивистских представлений (см. значение “стимульных” объяснений в этологии). Он использует понятие “фульгурация” (лат. *fulguratio* – вспышка молнии), своеобразный терминологический эквивалент эмерджентности, для обозначения “эволюционных эпохальных событий”: возникновения понятийного мышления, “человеческого духа”, переходов от неорганического мира к жизни, от животного к человеку, а также объяснения “внезапно возникающих совершенно новых системных свойств” [27, с. 270 и др.]. Следует вспомнить о тесной связи эмерджентизма и индуктивизма (см. сноску ²).

В последние десятилетия складывается когнитивная биология энактивизма, в основание которой входят работы Лоренца, Матураны и Варелы [19, 21]. В этой версии эпистемологии эволюционные основания трактуются скорее в философском ключе, без различения селекционистских, сальтационистских и других вариантов концепций эволюции [19, 20, 21]. Энактивизм разрабатывает именно эмерджентистский подход к объяснению появления нового в познании [73], дополняя его представлениями о “динамической коэмерджентности” [21, с. 5, 183].

Концепция Ж. Пиаже. Для обоснования генетической эпистемологии Пиаже развивал на основе эпигенетической теории эмбриогенеза К. Уоддингтона эволюционную концепцию, в которой он намеревался преодолеть недостатки как

ламаркизма, так и дарвинизма [70]. Основа конструкции Пиаже – представление о первичности адаптивных изменений фенотипа, последующее приведение генома в соответствие с эволюционно новым фенотипом и передача приобретенных индивидом новых черт потомкам [69]. В этом, как и в других введенных положениях, Пиаже заложил или предвосхитил основы современной эпигенетической теории эволюции, резко оппонентной по отношению к селективистской синтетической теории эволюции [12]. В том, что Пиаже придает особую эволюционную роль поведению [70], можно проследить связь с психоламаркизмом (см. [37]). В объяснении появления нового знания Пиаже оперирует положениями модифицированной им эпигенетической модели, в которой возможности генерации ограничены набором предзаданных креодов, а селекция возможного разнообразия не предусмотрена, так что его концепция оказывается уровневой. В версии Пиаже, как и у Уоддингтона, прохождение креодов, даже альтернативных, не относится к процессам дифференциации, поскольку не имеет необходимой связи с порождением нового (см. [4]). Важно заметить, что для Пиаже эмерджентное объяснение генерации нового неприемлемо [64]. В работах Пиаже и его сотрудников на основании его эволюционной концепции и результатов изучения онтогенеза познавательных структур и процессов были обоснованы представления о принципиальном сходстве между закономерностями развития индивидуального мышления (формирования гипотетико-дедуктивной логики) и “поэтапным созиданием” научного знания в истории; о том, что *«эпистемология, или теория познания, в соответствии с данными психогенеза, не может быть ни эмпирической, ни “преформистской”, а может лишь основываться на “конструктивизме”, т.е. на длительной выработке новых операций и структур»* [38, с. 92].

Сопоставление трех версий ЭЭ показало, что основанием их дифференциации послужила несовместимость не только эволюционных представлений, но и преимущественная опора на гипотетико-дедуктивный (Поппер и Пиаже) или индуктивный (Лоренц) метод. Для объяснения создания нового, в том числе и знания, Попперу и Лоренцу представляются недостаточными возможности эволюционных теорий, и они разрабатывают собственные варианты эмерджентизма, но Пиаже опирается на объяснительный потенциал эволюционной эпигенетической теории. Из трех проанализированных версий ЭЭ лишь одна – концепция Поппера – имеет не только дескриптивное, но и выраженное *прескриптивное* значение,

причем не для отдельной предметной области знания, а надпарадигмальное и трансдисциплинарное, и поэтому может быть применена для решения любых исследовательских задач.

ОСНОВАНИЯ И БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ Я.А. ПОНОМАРЕВА

Выделим те положения концепции Пономарева, по которым может быть установлено ее соответствие определенному варианту теории эволюции. В работе Д.В. Ушакова [56] уже было установлено соответствие между характеристиками ситуации творчества, включая некоторые положения концепции Пономарева, и теорией Дарвина. Создание нового знания рассматривается Пономаревым как творческий процесс порождения еще не существующего, не предзаданного финалистски, *a priori*. Это положение сопоставимо с последним по порядку, но не по значимости, одиннадцатым постулатом синтетической теории эволюции, – “эволюция непредсказуема, имеет не направленный к некоей конечной цели, т.е. нефиналистский характер” [7, с. 463]. Одно из основных понятий концепции Пономарева, важных для объяснения творческого порождения нового знания, – “побочные продукты взаимодействий” [40–43]. Этот конструкт вводит эволюционно важное положение о многообразии траекторий формирования нового и вариантов возможных результатов. Образованию побочных продуктов можно поставить в соответствие содержание 1-го и 4-го постулатов синтетической теории эволюции: “материалом для эволюции служат мелкие мутации” и “эволюция имеет дивергентный характер” [7, с. 457, 459]. Через процессы образования побочных продуктов Пономарев вводит представление о формировании материала для эволюционного отбора (постулат 2, о селектогенезе: “основным или даже единственным движущим фактором эволюции является естественный отбор” [7, с. 458]). Заметим, что отбор в психологическом применении в концепции Пономарева – как перевод побочных продуктов взаимодействия в прямые – не является элиминирующим.

Одно из важнейших положений селекционизма – положение о том, что “наименьшая эволюционирующая единица эволюции – популяция, а не особь” (постулат 3 [7, с. 458]). Этому положению в концепции Пономарева соответствует запрет на возможность развития изолированных объектов. Он вводит этот запрет несколькими способами: через принцип взаимодействия/раз-

вития, утверждающий неразрывность этих процессов [41–43], через абстрактно-аналитическую версию системного подхода, ориентированную на изучение генеза объектов как системных образований, взаимодействующих с другими системами [41–44]. В этом отношении концепция Пономарева, наряду с теорией функциональных систем П.К. Анохина [5], является решающим вкладом в творческое формирование принципиально новой методологии – системно-эволюционной (см. [53, 54, 58]).

Таким образом, концепция Пономарева реализует фундаментальные постулаты селективистской (синтетической) теории эволюции. Важно специально заметить, что создание нового знания объяснено в концептуальных рамках этой же теории – через закономерности дифференциации, порождения многообразия альтернативных вариантов с последующим отбором на этом многообразии. В этом эволюционном объяснении Пономарев не свертывает процесс порождения нового в необъяснимую “вспышку” – фульгурацию (по Лоренцу) или “внезапную” эмерджентность (по Попперу).

Установив подобие между онто- и филогенетическими закономерностями развития познания, между индивидуальным и научным познанием, Пономарев решил одну из основных проблем ЭЭ. Для этого он применил биогенетический закон не в его классической, “биологической” форме, а через обоснование подобия двух “инвариантов”, т.е. закономерностей. Один из них – “психологический механизм поведения” – представляет собой “психологический инвариант содержания накопленного человеком опыта” и обладает онтологическим статусом. Другой инвариант – “логический (гносеологический) механизм общественного познания” – “можно трактовать как логический механизм, т.е. механизм, представленный наукой логикой, усваивая которую человек совершенствует свою ориентацию в области знаковых моделей” [43, с. 189], это инвариант логических моделей объяснения. Подобие онто- и филогенетических закономерностей Пономарев обосновывает, исходя из закона “Этапы, уровни, ступени” (ЭУС), сформулированного им для описания эволюционного развития систем [42, 43, с. 227]. Закон ЭУС вводит фиксацию этапов развития системы как структурных уровней ее организации, что является обязательным условием дальнейшей эволюции системы и обосновывает ее онтологический статус. Таким образом, в отличие от Пиаже, Пономарев доказывает подобие не через отношение эквивалентности стадий, а через эквивалентность

эволюционных отношений порождения (ср. [39] и [42, 43]).

Для того чтобы определить, какому из общенаучных методов соответствуют положения ЭЭ Пономарева, необходимо установить, какие из принципиально важных конструкций гипотетико-дедуктивного или индуктивного методов им использованы. Пономаревым было введено представление о потенциальном и актуальном предметах научного, и в частности психологического, исследования [42, 43]. Потенциальный предмет исследования – метатеоретическая конструкция, содержащая в предельно абстрактной, обобщенной гипотетической форме важнейшие для дисциплины представления, которые определяют общее направление исследований, их цели и содержание. В эволюции знания потенциальный предмет переходит в актуальный, дифференцированные формы которого направляют конкретные исследования. Для конструкции столь высокого теоретического статуса, как и для процессов выведения дифференцированных форм из обобщенных, нет места в позитивистских рамках индуктивного метода [9]. Заметим, что гипотетико-дедуктивный метод, построенный Поппером преимущественно как логико-философская конструкция, не указывает точное место и функцию предмета исследования и поэтому требует модификации. Дальнейшая разработка модели гипотетико-дедуктивного метода необходима также для того, чтобы разрешить проблему согласования методологии и эмпирики (доставшаяся в наследство от индуктивизма/позитивизма трудность, не преодоленную Поппером). Мы имеем в виду критически важную для позитивистской логики проблему различения метафизического и научного знания, решение которой логические позитивисты видели во введении критерия эмпирической верифицируемости. Поппер переформулировал ее в иную задачу построения критерия, различающего научное и вненаучное знание, и решил ее через введение критерия принципиальной фальсифицируемости научного знания [45]. Замена критерия верифицируемости на критерий фальсифицируемости – принципиально важный шаг на пути преодоления индуктивистских представлений. Однако такое решение лишь сдвигает “потолок” для использования эмпирически важных теоретических конструкций, но имплицитно продолжает позитивистскую традицию рассматривать их источники как внеположные по отношению к эмпирическому исследованию, сохраняет принципиальное разделение источников формирования и процедур построения теоретических и эмпирических составляющих исследования.

В *экспериментальной методологии*, составляющей важную часть ЭЭ Пономарева, позитивистский (эмпирицистский) вопрос о *соотношении* теоретического и эмпирического знания преобразуется в эволюционное представление об *отношении порождения* между теоретическими гипотетическими конструкциями различного порядка обобщенности, их *дифференциации* во все более конкретизированные гипотезы, к которым применимы все более строгие процедуры эмпирической оценки правдоподобия [43, 44]. В экспериментальной методологии принцип фальсифицируемости знания вводится не в качестве критерия демаркации научного и метафизического знания, а как логическое обоснование процедур селекции гипотез (см. [3]). Заметим, что в этом случае эмпирические и методолого-логические составляющие исследования не только не противопоставляются, но обоснование их сопоставимости составляет сущность конкретного исследования.

Можно заключить, что Пономаревым была разработана оригинальная версия ЭЭ, в которой получили решение основные проблемы, поставленные при зарождении нового дискурса в эпистемологии. В ЭЭ Пономарева развиты положения универсального эволюционизма, определены общенаучные основания реорганизации предметной области психологии, которые касаются предмета и метода, формулировки основных проблем, соотношений с другими научными дисциплинами, построения и организации исследования. Это утверждение заслуживает специального рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОБЩЕНАУЧНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ Я.А. ПОНОМАРЕВА

Знаменательно, что формирование ЭЭ инициировано при активном участии психологов (Поппера, Лоренца и Пиаже, а также Кэмпбелла). По-видимому, в этом проявилась высокая методологическая продуктивность молодой дисциплины, столкнувшейся с принципиально новыми познавательными проблемами, неразрешимыми в рамках философской эпистемологии, причем интенсивное порождение множества исследовательских подходов к их решению было ошибочно, с нашей точки зрения, распознано (и продолжает распознаваться) как тяжелый кризис (см., например, материалы дискуссии в журнале “Вопросы психологии” и мн. др. [49, 30]).

Формирование психологии как самостоятельной дисциплины представляет собой процесс дифференциации психологии и философской теории познания. Незавершенность этого процесса проявляется в подобии между начальными этапами развития психологии в рамках теории познания (с последующими попытками преодолеть ее границы) и траекториями формирования парадигм в психологии. Так, С.Л. Рубинштейн, подготовленный в неокантианской школе теории познания, создавая субъектно-деятельностную парадигму, выступает против основной, теоретико-познавательной, линии марбургской школы [1, с. 7, 18].

Продолжающийся до настоящего времени процесс дифференциации двух дисциплин рефлексируется научным сообществом как часть перманентного кризиса психологии (для психологов) и как ситуация неопределенности (для эпистемологов). Разрешение неопределенности может привести либо к потере эпистемологией своей специфики, “натурализации” (по оценке У. Куайна, см. [25]), так как ее проблематика будет ассимилирована когнитивными науками, либо эпистемология может исчезнуть как потерявшая смысл в современной информационно-коммуникативной ситуации [25]. Другая альтернатива для эпистемологии, по мнению В.А. Лекторского, состоит в сохранении своего особого статуса методологической нормативно-прескриптивной дисциплины, обеспечивающей критическую рефлексию оснований когнитивных наук и их интеграцию [25, с. 28], но при этом необходимо переосмыслить представления о способах получения и обоснования знания [25].

Можно предположить, что ЭЭ Пономарева намечает иную альтернативу разрешения ситуации неопределенности: предложенные им общенаучные методологические основания психологии открывают возможность дальнейшей дифференциации психологии и эпистемологии, при этом обе дисциплины становятся все более самостоятельными, а область психологической науки не будет редуцирована к когнитивным дисциплинам и нейронаукам. Экспериментальная методология предполагает, что психология будет самостоятельно определять свой предмет и решать проблемы онтологии, а не работать в рамках предписаний эпистемологии. Заметим, что логико-философских приемов эпистемологии для решения этих задач недостаточно, при этом необходимые средства для организации и проведения эмпирических исследований, а также объяснения полученных результатов не включены в сферу компетенции эпистемологии. Развитие психологии по сценарию

ЭЭ Пономарева охватывает ее исследовательский аппарат во всей полноте и, расширяя взаимодействие с другими развивающимися и формирующимися областями знания (социология, экономика, когнитивные науки, нейронауки), психологическая наука будет создавать в рамках общенаучных достижений собственную методологию именно в исследованиях, учитывая, а не реализуя предписания философской теории познания.

Представляется парадоксальным, но эволюционная эпистемология Пономарева намечает путь к продолжению интенсивной дифференциации психологической науки и эпистемологии, которая обусловлена всей историей становления этих дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
2. Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
3. Александров И.О., Максимова Н.Е. Экспериментальная методология Я.А. Пономарева и принцип реконструкции // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 327–349.
4. Александров И.О., Максимова Н.Е. Процесс дифференциации: содержание концепта и возможности операционализации в психологических исследованиях // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 87–138.
5. Анохин П.К. Проблема центра и периферии в современной физиологии нервной деятельности // Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности. Горький: Горьковское издательство, 1935. С. 9–70.
6. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
7. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Изд. отдел УНЦ ДО МГУ, Прогресс-Традиция, АБФ, 1999.
8. Гарбер И.Е. Многообразие подходов к определению предмета психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 119–131.
9. Гемпель К.Г. Дилемма теоретика: исследование логики построения теории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. С. 147–215.

10. Гороховская Е.А. Этология: рождение научной дисциплины. СПб.: Алетейя, 2001.
11. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В. Биологическая и социальная фазы макроэволюции: сходства и различия эволюционных принципов и механизмов // Эволюция: Аспекты современного эволюционизма. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, А.В. Марков. М.: Либроком, 2012. С. 130–174.
12. Гродницкий Д.Л. Две теории биологической эволюции. Саратов: Научная книга, 2002.
13. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Пер. с 6-го изд.; отв. ред. А.Л. Тахтаджян. СПб.: Наука, 1991.
14. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 77–153.
15. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004.
16. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
17. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть. 1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
18. Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Отв. ред. В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 2–32.
19. Князева Е.Н. Концепция инактивированного познания: исторические предпосылки и перспективы развития // Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон+, 2004. С. 308–349.
20. Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология на перекрестках развития // Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции / Отв. ред. Е.Н. Князева. М.: Институт философии РАН, 2012. С. 8–34.
21. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
22. Колчинский Э.И. (Ред.-сост.) Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012.
23. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
24. Кэмпбелл Д. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. Ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 92–146.
25. Лекторский В.А. Эпистемология и исследование когнитивных процессов // Эпистемология вчера и сегодня / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Институт философии РАН, 2010. С. 3–30.
26. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2006.
27. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
28. Лоренц К. Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15–41.
29. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
30. Мазиллов В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
31. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3–21.
32. Малиновский А.А. Теория структур и ее место в системном подходе. Ответы на вопросы // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1970. С. 10–79.
33. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
34. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М.: РОС-СПЭН, 1999.
35. Меркулов И.П. Эволюционная эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РООИ “Реабилитация”, 2009. С. 1127–1129.
36. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопр. философии. 1991. № 3. С. 3–28.
37. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: КомКнига, 2005.
38. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 90–101.
39. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004.
40. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
41. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
42. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
43. Пономарев Я.А. Перспективы психологии творчества // Психология творчества: школа Я.А. Поно-

- марева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 145–276.
44. Пономарев Я.А. О предмете системного подхода и степени его развития // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 277–283.
 45. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
 46. Поппер К.Р. Кэмпбелл об эволюционной теории познания // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. Ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 147–153.
 47. Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. Ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–75.
 48. Поппер К.Р. Неоконченный поиск. Интеллектуальная биография. М.: Праксис, 2014.
 49. Психология XXI века: Пророчества и прогнозы (круглый стол) // Вопр. психол. 2000. № 1. С. 3–35; № 2. С. 3–40.
 50. Розин В.М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.
 51. Садовский В.Н. Эволюционная эпистемология Карла Поппера на рубеже XX и XXI столетий (вступительная статья) // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. Ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 3–51.
 52. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 73–84.
 53. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Институт философии РАН, 2003.
 54. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Институт философии РАН, 1994.
 55. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Гл. ред. изд. для заруб. стран, Наука, 1987.
 56. Ушаков Д.В. Творчество и “дарвиновский” способ его описания // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3. С. 104–111.
 57. Фесенкова Л.В. Глобальный эволюционизм в биологическом дискурсе // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Отв. ред. В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 124–140.
 58. Швырков В.Б. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики, сознания // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 1. С. 132–148.
 59. Эделмен Дж. Селекция групп и фазная повторная сигнализация; теория высших функций головного мозга // Эделмен Дж., Маунтклас В. Разумный мозг. М.: Мир, 1981. С. 68–131.
 60. Юлина Н.С. Эмерджентизм: сознание, редукция, каузальность // Очерки современной философии сознания. М.: Канон+, РООИ “Реабилитация”, 2015. С. 254–281.
 61. Benjafield J.G. Thinking critically about research methods. Boston: Pearson Education, Allyn and Bacon, 1994.
 62. Callebaut W., Pinxten R. (Eds.) Evolutionary epistemology. A Multiparadigm Program. Dordrecht, Holland: Reidel Publishing Company, 1987.
 63. Jennings H.S. Diverse Doctrines of Evolution, Their Relation to the Practice of Science and of Life // Science. New Series. 1927. Vol. 65. № 1672. P. 19–25.
 64. Kitchener R.F. Piaget’s theory of knowledge. New Haven, CT: Yale University Press, 1986.
 65. Lewes G.H. Problems of Life and Mind. Vol. 1. London: Trübner & Co, 1874.
 66. Lorenz K.Z. The Foundations of Ethology. New York, Wien: Springer-Verlag, 1981.
 67. Maturana U., Varela F. Autopoiesis and cognition. Boston studies in the philosophy of science. Vol. 42. D. Dordrecht: Holland Kluwer Academic Publishers Group, 1980.
 68. Maturana U., Varela F. The tree of knowledge: the biological roots of human understanding. Boston, Massachusetts: Shambhala Publications, Inc., 1987.
 69. Messerly J.G. Piaget’s Conception of Evolution: Beyond Darwin and Lamarck. Boston: Rowman & Littlefield, 1996.
 70. Piaget J. Behavior and Evolution. New York: Pantheon Books, 1978.
 71. Piironen T. Three Senses of “Emergence”: On the Term’s History, Functions, and Usefulness in Social Theory // Prolegomena. 2014. Vol. 13 (1). P. 141–161.
 72. Ter Hark M. Popper, Otto Selz, and the Rise of Evolutionary Epistemology. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
 73. Varela F. A cognitive science of interbeing: Beyond the oxymoron // S. Bachelar, G. Claxton and G. Watson (eds.). The Psychology of Awakening: Buddhism, Science and Our Day to Day Lives. London: Rider, 1999. P. 71–89.

YA. A. PONOMAREV'S EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY**I. O. Aleksandrov*, N. E. Maksimova****

* *Sc.D. (psychology), leading research fellow, V.B. Shvyrkov laboratory of psychophysiology, Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, professor, State Academic University of Human Sciences, Moscow;*

** *PhD (psychology), senior research fellow, the same place.*

The paper is aimed to analyze the innovations contributed by Ya.A. Ponomarev into the area of evolutionary epistemology that lead to conceptual reorganization of the psychological science. The three major versions of evolutionary epistemology developed by K. Popper, K. Lorenz and J. Piaget were differentiated on the basis of: (1) adherence to a certain branch of evolutionism; (2) adherence to either hypothetical-deductive or inductive models as the method of science not logic; (3) the way to explain invention of new knowledge. These criteria were applied to build a purposeful estimate of Ponomarev's evolutionary epistemology. The evidence of its irreducibility to the above mentioned versions and originality is presented. Moreover, in the framework of Ponomarev's version of evolutionary epistemology, theoretical foundation and empirical investigation are bounded into an entire coherent cycle of invention and explanation of new knowledge. The crucial role of psychologists in initiation and formation of evolutionary epistemology is mentioned particularly. The importance of evolutionary epistemology in the continuing process of differentiation of psychology as a sovereign science and epistemology as a part of philosophy is discussed.

Key words: evolutionary epistemology, global evolutionism, synthetic theory of evolution, epigenetic theory of evolution, Lamarckian evolutionism, emergence, inductive method, hypothetical-deductive method, psychology as a sovereign science, epistemology as a part of philosophy, differentiation.